

⊛ СОВЕТСКОЕ ЧУДО ⊛

ДЖУЗЕППЕ
БОФФА

СССР

ОТ РАЗРУХИ
К МИРОВОЙ ДЕРЖАВЕ

СОВЕТСКИЙ
ПРОРЫВ

Джузеппе Боффа
СССР: от разрухи к мировой
державе. Советский прорыв
Серия «Советское
чудо. Взгляд с Запада»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11953465

*Джузеппе Боффа. СССР: от разрухи к мировой державе. Советский прорыв: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-89-3*

Аннотация

Джузеппе Боффа, итальянский историк и журналист, один из самых авторитетных специалистов по истории СССР. В Советском Союзе он работал много лет, получив с особого разрешения ЦК КПСС доступ к закрытым архивам; на основе их изучения Боффа написал книгу по советской истории, но она была издана только для высших должностных лиц СССР. В представленной вашему вниманию книге показано, как Советский Союз смог совершить «цивилизационный прорыв», т. е. поднять в кратчайшие сроки на небывалый уровень свои науку и технику, создать мощную индустрию, догнать по основным показателям передовые страны мира. При этом Дж. Боффа не идеализирует советский прорыв, пишет о

многих отрицательных его моментах; главная цель исследования – определить, насколько оправдана подобная политика и применима ли она в других условиях к другим государствам.

Содержание

Предисловие	6
Советская экономика в 1920-е годы. Проблемы и решения	11
Восстановление производительных сил	11
Денежная реформа	15
Уравнивание в деревне	21
Нэпман	32
Подступы к планированию	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джузеппе Боффа СССР: от разрухи к мировой державе. Советский прорыв

© Боффа Дж. (Voffa G.), правообладатели, 2015

© Перевод с итальянского И. Б. Левина, С. К.
Дубинина и др., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие

(из книги Дж. Боффа

«История Советского Союза»)

Следует объяснить, как и почему я написал эту книгу. Я довольно долго жил в Советском Союзе. Первый раз я приехал сюда 28 декабря 1953 г. Сталин умер всего несколько месяцев назад. Прошло меньше месяца с того дня, как было объявлено о расстреле Берии. В СССР я приехал одолеваемый безмерным любопытством, неотделимым, разумеется, от политического пристрастия.

С первых же месяцев моего московского житья я был поражен тем, насколько плохо мы, иностранцы, пребывающие в СССР, подготовлены для понимания событий, происходящих в стране. И это даже не зависело от политической ориентации, которой придерживался каждый из нас: мы все оказывались равным образом безоружными, безотносительно к тому, кто на какую сторону становился в годы холодной войны. Вопреки собственным намерениям и критической настроенности, в большей или меньшей степени отличавшей каждого, все мы, как оказалось, питались скорее стереотипами, нежели подлинным знанием. Эти стереотипы могли быть очернительского или восхвалительного толка (поскольку они поддерживались пропагандой с двух противополож-

ных сторон), но при соприкосновении с фактами они оказывались равным образом абстрактными, далекими от подлинной действительности. Нам приходилось, следовательно, самим приниматься за труд первооткрывательства, и вот здесь-то знакомство с историей могло бы помочь делу. Но раздобыть информацию было непросто.

К середине 50-х годов состояние исторической науки в СССР было довольно обескураживающим, что, впрочем, широко признавалось уже в ту пору и о чем официально заявлялось как на самом XX съезде, так и после него. Сам ход этого съезда и созданная им в стране политическая атмосфера усиливали мое желание узнать возможно больше о событиях недавнего прошлого. При отсутствии работ, способных удовлетворить мою любознательность, мне не оставалось, однако, ничего иного, как прибегнуть к тому, что на профессиональном языке историков именуется устной традицией, то есть к рассказам людей, которые эти события пережили и наконец решились правдиво поведать об этом своем личном опыте. Так началась моя, если так можно выразиться, кустарная работа по исследованию советской истории.

Последующий ход дел в СССР лишь все больше побуждал меня стремиться к тому, чтобы сочетать профессиональный журналистский труд со все более серьезной исследовательской работой историка. Когда я вернулся в Москву на второй период, то сделал это главным образом для того, что-

бы посвятить себя этой второй цели: более систематическому разысканию необходимых источников, устранению по мере возможности пробелов в документации и более интенсивным контактам с теми советскими историками, которые пользовались моим наибольшим уважением. И хотя эти усилия, уже тогда стоившие мне немалого напряжения, забирали массу времени и энергии, я не думал – ни тогда, ни еще несколько лет спустя, – что примусь за систематическое написание истории Советского Союза. Я был убежден: советские историки справятся с этой задачей куда лучше, чем я. Лишь к концу 60-х годов, когда я вынужден был констатировать, что в брежневском СССР политическая и идеологическая атмосфера вновь сделалась малоблагоприятной для опубликования правдивой истории советского периода, я набрался решимости самому взяться за написание того труда, который теперь предлагаю вниманию читателя.

Я полагал – и это было для меня главным стимулом, – что такого рода книга необходима итальянскому читателю, особенно молодому, имеющему весьма туманные представления об этой истории и справедливо желающему знать о ней больше. Я принялся за работу, отдавая себе отчет в тех трудностях, с которыми встречу. Обширность и сложность темы сами по себе внушали ужас. К тому же я знал, насколько полны пробелов те источники, которыми я мог располагать, ведь большая часть их оставалась запертой в архивах, куда даже советские исследователи не имели доступа, а уж мне

и подавно путь был закрыт. Но я был убежден, что архивы эти все равно откроются еще не скоро. Если я стану ждать, когда они поступят в распоряжение ученых, то, скорее всего, никогда не смогу выполнить поставленную перед собой задачу. Я решил поэтому, что как бы то ни было, но попытку эту следует предпринять, используя все те источники, которые удалось собрать мне лично, а также те, которые, по моим сведениям, имелись в разных странах мира. Пусть то будет первая попытка. Позже другие напишут лучше меня.

Именно потому, что я отдаю себе отчет в том, насколько ограниченным был исследовательский инструментарий, которым я мог располагать, я не претендую, чтобы эту работу рассматривали как исчерпывающую. Все мы, те, кто изда- лека пытается объективно исследовать историю СССР, зна- ем, что плоды наших стараний по необходимости отмечены знаком временности, причем не только в том смысле, что всякое историческое исследование преходяще, но и в том, что нашим изысканиям суждено оказаться преодоленными в тот самый момент, когда свободный доступ к архивам позво- лит историкам – в первую очередь советским, но, хочу наде- яться, также и представителям других стран – более обстоя- тельно ознакомиться с прошлым. Я не удивлюсь поэтому, если моя книга окажется предметом критики и оспариваний, особенно если они будут основываться на новых открытиях, неизданных документах, более полной информации. Имен- но такого типа дискуссии нам дольше всего недоставало, и

в ней ощущается наибольшая нужда. Историческое исследование – как и любое другое научное изыскание – может от этого только выиграть. Мое сокровенное желание и сегодня состоит в том, чтобы эти страницы могли послужить отправным пунктом для дискуссий, которые бы продвинули всех в познании действительности. Если это окажется возможным, я буду считать это подлинной наградой за свой труд.

Советская экономика в 1920-е годы. Проблемы и решения

Восстановление производительных сил

После хаоса революционных лет, после разрухи, вызванной Первой мировой и гражданской войнами, подъем экономики в Советской России начался в 1922 г. Нэп возродил определенное товарообращение. Подъем пошел быстро и обнадеживающе, хотя не раз небо над советской экономикой затягивало тучами и наступали критические моменты.

Выпуск продукции тяжелой индустрии, не превышавший и 13 % довоенного объема (1913), в 1924 г. достиг 50 % этого уровня и превзошел его в 1927 г. Годами наиболее интенсивного роста были 1923 г., а затем 1925 и 1926 гг. Оживление происходило и на железнодорожном транспорте, почти парализованном в 1920–1921 гг. В 1927 г. людей и грузов перевозилось больше, чем до войны. Темпы промышленного роста были различными в разных отраслях. В легкой промышленности они были выше, чем в тяжелой; в производстве энергии и добыче топлива, нехватка которого как раз и грозила парализовать страну, дело шло более споро, неже-

ли в выплавке металла (металлургическая промышленность вышла на довоенные показатели лишь в 1929 г.). Подъем был обусловлен сперва просто необходимостью привести в движение остановившийся было механизм народного хозяйства, а затем запросами рынка – по преимуществу крестьянского, – на котором ощущалась нехватка самых элементарных товаров.

Восстановление промышленности повлекло за собой возрождение рабочего класса. В августе 1922 г. его численность едва превышала миллион человек. Деклассирование городского пролетариата было тем социальным явлением, которое более всего ослабляло основы нового строя. Теперь в городах наступало оживление. К концу 1927 г. число рабочих, занятых в крупной промышленности, вновь достигло 2,5 млн.; советские исследователи считают, что с учетом утраченных территорий этот показатель равноценен довоенному. Наибольший рост наблюдался в 1925 и 1926 гг.

В 1927 г. довоенного уровня достигла также зарплата, хотя между различными отраслями существовали довольно значительные перепады. В первое время рост зарплат превышал рост производительности труда, что вызывало тревогу в 1924 г. Сам по себе, однако, такой процесс был неизбежен, так как оплату труда, упавшую до трагически низкого уровня во время военного коммунизма, необходимо было повысить хотя бы до минимальных размеров, дающих возможность просуществовать. Впрочем, с переходом к нэпу

зарплата пережила немало превратностей: вначале – когда была резко сокращена, а потом и вовсе упразднена натуральная оплата, и позже – когда скудные запасы ликвидных средств у предприятий привели в 1923 г. к большим задержкам в выдаче зарплаты. На первых порах оживление работы предприятий было делом рук рабочих, уже трудившихся на заводах до войны (70 %); остальные зачастую были их детьми. На этой первой стадии приток новых сил был незначительным: более ощутимым он стал лишь в 1925–1926 гг.

Первым признаком выхода из кризиса был хороший урожай 1922 г. Сельское хозяйство пострадало от войны сравнительно меньше, чем промышленность. И все же его продукция в 1921 г. составляла в стоимостном выражении лишь чуть больше половины продукции 1913 г.: 60 % по советским статистическим данным. Подъем сельского хозяйства вначале шел быстрее, чем в промышленности. В 1922 г. было засеяно лишь 77,7 млн. га против 105 млн. в 1913 г., но уже в 1925 г. для возделывания была отвоевана почти вся пустовавшая земля. Наиболее интенсивное восстановление утраченного происходило в 1923 г. К наилучшим годам в сельском хозяйстве относились также 1925 и 1926 гг. Набирало силу возделывание технических культур, сильнее всего пострадавшее от гражданской войны и раздела земли (сбор хлопка в Средней Азии и сахарной свеклы на Украине упал соответственно до 6 и 4 % по сравнению с 1913 г.).

Что касается животноводства, менее пострадавшего, но и

менее развитого до революции, то оно уже в 1925 г. достигло довоенного уровня. Исключение составляло только коневодство. В целом сельское хозяйство в 1927 г. производило больше продукции, чем до войны.

Денежная реформа

В результате хозяйственного подъема, достигнутого без займов, без какой бы то ни было помощи из-за границы, жизнедеятельность страны полностью восстановилась, хотя, по мнению многих иностранных экспертов, она не способна была стать на ноги. То был знак необыкновенной живучести общества, прошедшего жестокие испытания революции и гражданской войны, и способности новой власти к упрочению своих основ. Тем не менее тут-то и начинались подлинные проблемы.

Дело в том, что выход из кризиса не был таким уж гладким. В 1923 г., когда подъем только-только начал набирать силу, более быстрое восстановление на селе в сочетании с медленно преодолеваемой дезорганизацией рынка привело к падению цен на сельскохозяйственную продукцию при одновременном резком повышении цен на промышленные товары. То был «кризис ножниц цен», как его стали называть по знаменитой диаграмме, которую Троцкий, первый заговоривший об этом явлении, показал делегатам XII съезда РКП(б).

К осени кризис приобрел такие масштабы, что угрожал парализовать товарообмен между городом и деревней, а следовательно, подорвать едва начавшееся восстановление и вызвать неизбежную депрессию. Причины его были, конеч-

но, более сложными, чем те, на которые указывали критики из оппозиции, сводившие все к отставанию промышленности и отсутствию плана. Анализ его причин явился, таким образом, исходным пунктом диспута между противостоящими тенденциями в экономической теории – диспута, получившего развитие в последующие годы.

Между тем уже в 1924 г. напомнил о себе второй отрицательный фактор. Новая серьезная засуха обрушилась на зерносеющие районы юга и юго-восточной части Европейской России, которые еще не полностью оправались от трагических последствий недорода 1921 г. Тем самым обнаружилась непрочность подъема сельского хозяйства. Последствия на этот раз были не столь катастрофическими, и все же они ощущались еще и три года спустя.

В эти годы была осуществлена денежная реформа. Тщательно продуманная, она была терпеливо и заблаговременно подготовлена постепенным введением в обращение в 1923 г. новой денежной единицы с золотым обеспечением – червонца. В первом квартале 1924 г. был произведен обмен старых обесцененных денег, находившихся в обращении, на новые банкноты и монеты новой чеканки, также обеспеченные золотом и потому стабильные. Обмен производился из расчета один новый рубль на каждые 50 тыс. «совзнаков», каждый из которых, в свою очередь, равнялся миллиону рублей времен гражданской войны. Реформа была представлена стране как «поворотный пункт... экономического и политического

развития». Она явилась актом огромной важности, ибо служила показателем большей степени овладения механизмами экономики, наконец достигнутой правительством. Продолжением реформы стала финансовая политика, которую историки называют «ортодоксальной»: сбалансированный бюджет, опирающийся на гарантированные доходы и твердые налоговые поступления; осторожная политика расходов и капиталовложений, активный внешнеторговый баланс. Троцкий критиковал эту политику как «диктатуру наркомфина», то есть Сокольникова и его экспертов: слишком осторожную, чтобы обеспечить достаточно быстрое развитие промышленности (именно в этом смысле он противопоставлял ей требование «диктатуры промышленности»)1.

Проведенная как раз в то время, которое совпало с первой полосой дипломатических признаний Советского государства, денежная реформа возродила надежды на широкое экономическое сотрудничество с капиталистическими державами Запада. Более обильные урожаи вновь приоткрыли перспективу возобновления вывоза хлеба, который играл столь важную роль для экономики царской России. Был такой период в 1923–1924 гг., когда все или почти все руководители РКП(б), независимо от принадлежности к большинству или оппозиции, были убеждены в абсолютной необходимости иностранных кредитов для развития страны. Лучше всех это убеждение выразил Красин в своем выступлении на XII съезде партии. Но займы, за некоторыми ничтожными

исключениями, так и не поступили. Многие надежды развеялись как дым. 1925 г. – год максимального развития концессий. Были заключены наиболее крупные контракты на разработку минеральных ресурсов: добычу марганца в Грузии – с американцем Гарриманом и освоение обширных золотоносных площадей в Сибири – с английской компанией «Лена голдфилдс». В 1926 г. было зарегистрировано наибольшее число действующих соглашений с иностранными фирмами – 113. Из них лишь 31 – в промышленности. Их удельный вес в советской экономике, хотя его и нельзя назвать нулевым, был все же предельно мал: эти предприятия не выпускали и одного процента совокупной промышленной продукции. Наконец, объем внешней торговли достиг только 40 % довоенного. С одной стороны, ощущалась нехватка товарного зерна, с другой – политические преграды мешали более широкому развитию товарообмена с заграницей. Во многих странах советские товары еще рассматривались как своего рода краденое добро, отнятое у прежних законных владельцев и потому подпадающее под многообразные юридические санкции.

Сколь ни блестящи были успехи в экономике, ее подъем ограничивался жесткими пределами. Достигнуть довоенного уровня было нелегко, но и это означало новое столкновение с отсталостью вчерашней России, сейчас уже изолированной и окруженной враждебным ей миром. Мало того, наиболее могущественные и богатые капиталистические

державы вновь начинали укрепляться (эта тема – так называемой «относительной стабилизации» капитализма – в середине 20-х гг. служила предметом ожесточенных споров в Коминтерне и среди русских коммунистов). Американские экономисты подсчитали, что национальный доход на душу населения к концу 20-х гг. составлял в СССР менее 19 % американского.

Жизнеспособность страны находила выражение в бурном демографическом росте. В 1926 г. численность населения увеличилась до 147 млн. человек, на 13 млн. больше, чем в 1923 г., что означало неслыханные темпы среднегодового прироста – более 2 %. Как и до революции, лишь 18 % жило в городах, а 82 % – в деревне. Уже заметна была, однако, тенденция к ускоренному росту городского населения: число жителей городов возрастало на 5 % в год. Деревня вновь страдала от перенаселенности: по подсчетам экономиста Струмилина, на селе имелся «излишек» порядка 8–9 млн. пар рабочих рук. Этот «излишек» начинал притекать в города, обостряя проблему безработицы до тревожных размеров. В 1923 г. число безработных превысило миллион человек, а в 1927–1929 гг. переваливало за полуторамиллионную отметку; особенно сильна была безработица среди молодежи. В 1924 г. она послужила источником опасных политических брожений.

Восстановление производства и стабильность денежной единицы были оплачены дорогой ценой: экономией даже на

самом существенном. В стране, где культура рассматривалась как первая национальная необходимость, приходилось урезать даже расходы на школу. По-прежнему тяжким оставалось положение с беспризорными: миллионы детей, брошенных на произвол судьбы, являли собой печальное зрелище. В то же время была восстановлена государственная монополия на водку – немаловажная статья дохода в государственном бюджете, в прошлом осуждавшаяся революционерами как «аморальная». Правда, таким путем надеялись организовать более эффективную борьбу с частным производством алкоголя – губительным самогоном. На практике же пьянство разрасталось.

В подобных условиях коммунисты, стоявшие у власти, не могли удовлетвориться только восстановлением страны. Вся их деятельность велась, разумеется, не во имя простого возврата к производственным уровням довоенной и дореволюционной России; оправдать эту деятельность могла лишь куда более высокая цель – социализм.

Уравнивание в деревне

Несмотря на возрождение рабочего класса, Россия оставалась крестьянской страной. Сельское население насчитывало почти 121 млн. человек и было рассеяно по 613 587 населенным пунктам, размеры которых варьировались в чрезвычайно широких пределах. Это могли быть крошечные селения всего из нескольких изб с десятком-другим жителей (распространены они были преимущественно в лесных и болотистых районах северо-запада), а могли быть и крупные поселки или казацкие станицы на сельскохозяйственном юге, в степях или Сибири, с населением до нескольких тысяч человек.

Русская деревня и после революции отличалась огромным разнообразием местных условий; да иначе и быть не могло в стране, которая в силу своей протяженности охватывала самые различные с географической точки зрения районы, районы со своими историческими особенностями и традициями. Это обстоятельство следует постоянно иметь в виду, в частности, чтобы понять события, которые последовали позже. Всякое описание деревни «вообще» страдало бы, таким образом, условностью. Имелись вместе с тем некоторые черты, общие для деревни на всем бескрайнем протяжении СССР. Одной из них – и, конечно, главной – продолжала оставаться техническая и культурная отсталость. Орудия

труда были самые примитивные. В 1924 г. еще около половины хозяйств пахало сохой, а не плугом. Правда, в последующие годы распространение плугов и других металлических орудий труда пошло очень быстро. Однако в подавляющем большинстве случаев крестьяне продолжали сеять вручную, жать хлеб серпом и молотить его цепами. Машин, даже самых простых, было крайне мало. В земледелии господствовала трехпольная система, при которой один из участков оставался под парами раз в три года. Преимущественно ручной сельский труд был малопродуктивен. Если взять за основу расчета тот факт, что земледелием занимались примерно 72 млн. человек (включая подростков), то получается, что в целом по стране каждый крестьянин кормил, помимо себя самого, лишь еще одного своего соотечественника.

Разумеется, не все крестьяне были одинаковы. Однако произведенное революцией великое уравнивание оставалось характерной чертой русской деревни на протяжении всех 20-х гг. Следствием этого явилось одно поразительное явление – возрождение старой общины, к уничтожению которой вел до революции капитализм. Мы знаем, что община не исчезла и после сокрушительного удара, нанесенного ей реформами Столыпина. Великий земельный передел 1917–1920 гг. вдохнул в нее новую жизнь. Земельный кодекс 1922 г. предоставил крестьянам право выбирать ту форму хозяйственного устройства, которую они предпочитают: индивидуальную, коллективную или общественную, то есть основанную как

раз на общине. Именно общинное землепользование и стало абсолютно преобладающим: на его долю приходилось до 98–99 % всех крестьянских земель в Центральной и Южной России, несколько меньше, но также преобладающая часть – на Украине и в Сибири, то есть там, где и раньше действовали более сильные стимулы к разложению общины.

Община, которую советский кодекс называл «земельным обществом», представляла собой территориальную ассоциацию частных производителей-земледельцев, не лишенную своеобразного крестьянского демократизма. В общем пользовании находилась лишь часть земли: выгоны, пустоши, леса. Пашня же, составлявшая в среднем 70–80 % всей земельной площади, нарезалась посемейно – по дворам, причем каждая семья обрабатывала надел своими силами. Все общественные вопросы разрешались на собрании членов общины – сходе, который выбирал определенное руководство. По традиции в сходе должны были участвовать лишь главы семей. Советский же закон требовал, чтобы на сходе присутствовали все труженики, включая молодежь и женщин. Однако принцип этот, насколько можно судить по имеющимся в распоряжении исследователей данным о посещаемости сходов, далеко нельзя было считать утвердившимся на практике.

Это был, впрочем, не единственный пункт, по которому возникали трения между традиционными представлениями крестьянской общины и курсом новой советской политики.

Начиная с 1922 г. законом были установлены сроки – как правило, девять лет – для периодического перераспределения земли, которое в предшествующий период гражданской войны производилось ежегодно. Сделано это было для того, чтобы не лишать крестьянина стимулов к проведению мелиоративных работ на своем наделе. Но и это установление выполнялось далеко не всегда. Причины, по которым это происходило, становятся более понятными, если обратить внимание на тот факт, что община в деревне обладала куда более реальной властью, нежели Совет. В стране имелось 319 тыс. сельских общин и только 73 584 сельских Совета, ибо сплошь и рядом распространение Советов не шло дальше административного уровня волости. Помимо этого, Совет, как правило, не располагал собственными источниками финансирования, в то время как община обеспечивала их себе путем самообложения, и не мог вмешиваться в вопросы землепользования.

Однако не стоит идеализировать общину. Ей был свойствен консерватизм, особенно в том, что касалось агротехнических методов (севооборота и т. д.); она тормозила всякую индивидуальную инициативу, глушила предприимчивость крестьян. С другой стороны, даже выражая тенденции к солидарности и коллективизму, община отнюдь не умаляла ни силы крестьянского индивидуализма, опиравшегося на прямую связь крестьянина с обрабатываемой землей, ни прочности патриархальных устоев, связанных с сохране-

нием двора как первичной ячейки, в которой господствующим оставалось влияние старейшего главы семьи. Но с точки зрения производственной главным ее пороком оставалась по-прежнему чересполосица – нарезание земли лоскутами. Принцип, которым руководствовалась община, требовал, чтобы всем дворам были предоставлены равноценные наделы. На практике это означало, что каждый получал весь надел в виде множества маленьких участков (порой до 10–20, а то и до 40–50 в зависимости от района), зачастую отстоящих друг от друга на большом расстоянии. Затраты времени и труда в результате резко возрастали, а это отрицательно сказывалось на производительности.

С восстановлением экономики и оживлением рыночных отношений в деревне снова начал развиваться медленный процесс социального расслоения. Определение его точных масштабов – задача наитруднейшая. Источники того времени, как правило, не являются достоверными с точки зрения точности именно потому, что вопрос об определении масштабов явления и составлял предмет острейших разногласий, питавших политическую борьбу, развернувшуюся в те годы в рядах коммунистов. Оппозиция кричала об опасности возрождения сельского капитализма, явно преувеличивая размеры явления. Большинство в свою очередь невольно стремилось к его преуменьшению. Позже картина протекавших процессов была искажена с целью оправдания сталинских методов коллективизации. Но задача затруднена не

только искажениями по политическим мотивам.

Советские историки неизменно придерживались ленинской классификации социального состава деревни, по которой крестьянство подразделялось на бедняков, середняков и богатых, или кулаков. Однако сам Ленин, исходя из констатации происшедшего уравнивания, в последние годы уже не прибегал к этой классификации. Ее восстановили его преемники. Между тем в послереволюционной деревне установить классовые различия между теми или другими слоями крестьян было крайне трудно: критерии менялись от района к району. Имелось около 25 млн. первичных производственных единиц, дворов, состоявших в среднем из 5 человек. Получалось, что у одних земли больше, чем у других: как считают, около 350 тыс. семей засевали участки размером больше 16 га, а 3,3 млн. семей – меньше 1 га. Но первые жили преимущественно на юге или в степных восточных районах, где земли было вдоволь. Сопоставления эти, следовательно, мало о чем говорят. Куда более важным различительным критерием служила собственность на средства производства. Поскольку единственным существовавшим тягловым средством было животное, владение лошадью становилось решающим условием (к концу 20-х гг. конское поголовье в СССР составляло около 35 млн.). Те, у кого лошади не было, брали ее взаймы и, как правило, на очень тяжелых условиях. С 1922 по 1927 г. процент безлошадных крестьян в РСФСР сократился с 37,1 до 28,3 %.

Когда более богатый крестьянин давал более бедному в долг семена или что-нибудь из орудий труда, то взамен он требовал отработку долга либо часть урожая. Другим различительным признаком являлась способность арендовать землю или нанимать работников; но и тот, и другой критерий могут ввести в заблуждение, поскольку речь идет об операциях, к которым прибегал – пускай даже в меньшей мере, чем другие, – также середняк и даже бедняк. Все это свидетельствует о том, что общественная жизнь в деревне отнюдь не походила на идиллию. Однако рудиментарный характер этих явлений – которые к тому же сами крестьяне склонны были считать обычными, если не просто естественными, – говорит о том, насколько трудно в этом случае установить собственно классовые различия между теми или другими слоями крестьян.

Не все крестьяне – особенно в некоторых губерниях – состояли в общине. Некоторые выходили из нее, чтобы стать полностью независимыми: их наделы назывались хуторами или отрубам, смотря по тому, прилегали ли они к жилью или находились вдали от него. Среди таких хозяев кулаков было больше. Как правило, это были более предприимчивые и зажиточные крестьяне. Продуктивность их хозяйств, насколько можно судить по скудным данным тех лет, была более высокой. Но они не меняли общей картины села. Точно так же не меняли ее сохранившиеся зародыши коллективного земледелия – колхозы и совхозы. Число последних

уменьшалось вплоть до 1925 г., а затем немного увеличилось в течение двух последующих лет. В 1927 г. существовало 4987 государственных хозяйств с 3,5 млн. га пашни и 600 тыс. работников, включая не только постоянных, но и сезонных. Им недоставало, однако, опытных руководителей, они сталкивались с серьезными организационными трудностями и в подавляющем большинстве своем были убыточными. Колхозов было больше (14 832 в 1927 г.), но они были мелкими и состояли почти исключительно из бедняков. Всего ими было охвачено менее 200 тыс. дворов, то есть меньше 1 %. Зачастую они подчинялись общине, и их коллективный характер ограничивался лишь совместной обработкой земли, а все остальное оставалось индивидуальным. В целом годы нэпа, по крайней мере его первая фаза, представляли собой период кризиса коллективного хозяйствования в деревне. Распространение, напротив, получило кооперативное движение, которое с 1924 г. под воздействием последних ленинских статей весьма активно стимулировалось Советским правительством.

Нарисованная картина отражает положение русских, украинских, белорусских крестьян или крестьян других национальных групп, живших в европейской части страны. Она не отражает, однако, положения тех 15–18 млн. нерусских крестьян, которые проживали в восточных республиках, особенно в таких почти целиком сельскохозяйственных зонах, как Средняя Азия и Казахстан (не говоря уже о на-

родностях, рассеянных по просторам Крайнего Севера и насчитывавших около 250 тыс. человек). Здесь также революция прошла через превратности гражданской войны, но она не привела к ломке социальных отношений среди сельского населения. Аграрные реформы не затронули эти районы. Здесь, по определению советских исследователей, сохранился феодально-патриархальный уклад: скорее феодальный, чем патриархальный в Узбекистане, где оазисное земледелие представляло собой главный вид деятельности, а широкое внедрение хлопководства уже создало первые предпосылки для капиталистических связей с русским рынком; скорее патриархальный, чем феодальный в Казахстане, Киргизии, Туркмении, среди бурят и монголов, где население занималось кочевым или полукочевым скотоводством.

Хотя старая крестьянская община у узбеков сохранила свое значение, особенно в вопросах распределения воды по ирригационным системам, существовали весьма сильные различия в имущественном положении традиционных вождей, располагавших большими земельными угодьями, и огромным большинством дехкан, бедных крестьян, у которых было совсем мало земли. У кочевников или полукочевых народностей основным социальным ядром за отсутствием традиционной деревни служил аул, образованный одной большой патриархальной семьей или семейными группами. Советов здесь практически не существовало. Господствовали патриархальные и племенные институты и обычаи. Одна-

ко различия с точки зрения обладания скотом – будь то верблюды, лошади, овцы, свиньи или другие животные – были весьма значительны.

Аграрные преобразования в этих регионах начались лишь в 1926–1927 гг. В земледельческих районах они включали, помимо перераспределения земли, также изменение режима пользования водой для полива. У кочевых народностей они предварялись усилиями по советизации аулов и были направлены на перераспределение поголовья скота. Лишь в некоторых областях Средней Азии эти реформы были доведены до конца, вызвав определенное выравнивание социальных условий. В других местах они – еще до того, как были завершены, – оказались «перекрыты» и поглощены в конце десятилетия волной коллективизации.

Абсолютное преобладание середняка привело к тому, что из продавца своей продукции деревня стала превращаться в ее потребителя. Революция избавила земледельца от пут рабства, от долгов и т. п.; теперь он пользовался этим, чтобы жить лучше. Но общая отсталость деревни не позволяла ему развивать свое производство так, как это было бы необходимо. Урожайность оставалась чрезвычайно низкой и во многом зависела от капризов погоды. В 1926 г. сбор зерновых составил почти 77 млн. т. Государство, которое после денежной реформы перешло от натурального налога к денежному обложению, смогло заготовить 11,6 млн. г (между тем до войны при меньших урожаях на рынке заготавливалось око-

ло 17 млн. г). Цифры 1926 г. показали, таким образом, предел, потолок: в последующие годы его ни разу не удалось достичь. Отсюда и ограниченность экспортных возможностей.

Нэпман

У города тем временем тоже появились новые запросы. По мере того как хозяйственная разруха уходила в прошлое, все больше давали знать о себе чаяния, пробужденные революцией. Восстановленная до своего довоенного уровня промышленность была слишком слабо развита, чтобы удовлетворить растущие потребности деревни и города. Промышленная продукция имела тенденцию оседать в городах. Подсчитано, что менее половины произведенных промышленностью потребительских товаров достигало сельских районов, где их хватало от силы на покрытие одной трети спроса. В конце 1925 – начале 1926 г. начал сказываться, пользуясь выражением советских авторов, «товарный голод», которому при всей его серьезности суждено будет постоянно сопровождать развитие советского общества. Несмотря на все использованные государством средства контроля, вновь возникли «ножницы цен», ликвидированные было в 1924–1925 гг. Экономическая смычка города с деревней – главная цель нэпа – оказывалась, таким образом, противоречиво реализуемой задачей.

Свобода торговли в дозволенных и контролируемых пределах является одной из основ нэпа, сказал Зиновьев на XIII съезде РКП(б). Торговля была также областью, в которой частный капитал нашел наибольший простор для сво-

его применения. Нэпман – двусмысленная фигура капиталиста в стране, которая поскорее хотела стать социалистической, – был прежде всего торговцем. В промышленности, где он ограничивался обычно арендой у государства того или иного предприятия, его удельный вес был минимальным: меньше 2 % выпускаемой продукции. Правда, этот показатель вырастал до 24 % с учетом ремесленников и владельцев совсем крошечных фабрик. Другое дело – торговля. Товарооборот был возрожден после 1921 г. главным образом силами частных. Их роль была господствующей, особенно в розничной торговле, и таковой оставалась до середины 20-х гг., когда государственная и кооперативная торговая сеть начала брать верх. В 1924 г. после кризиса предыдущего года был образован Народный комиссариат торговли. К 1926–1927 гг. частники осуществляли в этой области уже не более 37 % всех операций, хотя в абсолютных цифрах их оборот по-прежнему продолжал расти. Тем не менее недостаток товаров, слабый товарооборот между городом и деревней оставляли вопрос открытым. Руководствуясь логикой спекулянтской предприимчивости, нэпман пролезал во все «щели» хозяйственного механизма, которые общественный сектор – государственный или кооперативный – оставлял неприкрытыми.

Такова была констатация руководящих органов. В СССР 20-х гг. речь к тому же шла не просто о «щелях», но о широчайших пределах неудовлетворенных потребностей. Отсюда

и опасность, которую с гнетущей тревогой ощущали коммунисты, стоящие у власти: надвигающийся риск возрождения капитализма, пускай даже вытесненного пока на обочину общества.

Подступы к планированию

Если сопоставить конкретные решения и многочисленные документы, принятые в 1924–1927 гг. по вопросам экономической политики, нетрудно прийти к общему выводу. Указанные документы – постановления съездов, конференций, а также, начиная с этого времени, и пленумов ЦК, резолюции которых неукоснительно публиковались, – отражают разные, подчас противоречивые требования различных отраслей экономики, но в то же время акценты в них постепенно смещаются на новые задачи развития.

Так, на XIII партконференции, которая подвела итоги декабрьской дискуссии 1923 г., а также на последующем XIII съезде РКП(б) в мае 1924 г. господствующими были темы союза рабочего класса с крестьянством, торговли, финансовой стабильности. Вместе с тем признание получила также идея необходимости «усилить плановое начало».

Недород 1924 г. и следовавший за ним беспокойный период на селе явились стимулом к тому, что вплоть до 1925 г. в политике партии наступила «более крестьянская» фаза, когда партия, по выражению Зиновьева, должна была повернуться «лицом к деревне». Именно тогда были предприняты наиболее радикальные меры в поддержку крестьянства. Они были направлены на то, чтобы побудить крестьян, не особенно считаясь с их социальным расслоением, развивать

свое индивидуальное хозяйство. Для этого был продлен срок земельной аренды с 6 до 12 лет, облегчены условия найма работников и т. д.

Тогда же началась широкая поддержка самых разнообразных форм кооперации: торговой, кредитной, сельскохозяйственной. В кооперации могли равноправно участвовать все: крестьяне и ремесленники, зажиточные и бедные. Роль кооперативного движения на селе уподоблялась роли профсоюзов среди рабочих.

Уже в 1925 г. появились новые ноты, порожденные рядом насущных потребностей. Период простого «восстановления» хозяйства подходил к концу и готов был уступить место периоду «реконструкции» (родившееся в спорах тех лет, это терминологическое различие сделалось позже традиционным для советских историков и экономистов). Для технического перевооружения заводов, да и сельского хозяйства требовались современные машины и средства производства. В апреле 1925 г. начали составляться программы более быстрого восстановления производства металлов. В конце того же года XIV съезд РКП(б) предложил «взять курс на индустриализацию». Великий лозунг был наконец произнесен. Указание было еще нечетким, но это не помешало советским историкам с некоторым насилием над фактами объявить XIV съезд «съездом индустриализации». Правда, всего несколько месяцев спустя Пленум ЦК в апреле 1926 г. уже расценил индустриализацию как «решающую задачу».

Интерес смещался в сторону промышленности, и в особенности в сторону тяжелой промышленности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.